

recenzje

ALEKSEY SURIN

Bar-Ilan University (Ramat Gan, Israel)

<http://orcid.org/0000-0001-6732-1085>

Хаим и судьба: мифологическое время *Шлейфа* Заметки по поводу нового романа Елены Макаровой

Е. Макарова, *Шлейф*, Новое литературное обозрение, Москва 2022, 544 с.

Роман Елены Макаровой *Шлейф*, вышедший в 2022 году в российском издательстве НЛО, постоянно обращает своего читателя к недавней новостной повестке. То напоминает ему о карантине и пандемии коронавируса, во время которого и разворачивается сюжет повествования, то будит воспоминания о протестах с требованиями отставки премьер-министра Биньямина Нетаньяху у его резиденции в Иерусалиме после провала очередных выборов, то возвращает к многотысячным демонстрациям против режима Лукашенко в Белоруссии и отравлению главного оппонента российской власти Алексея Навального. Среди новостей, рассыпанных по ткани текста, есть и одна научная, которая, как я полагаю, вольно или невольно, оставлена в романе автором как ключ к пониманию структуры *Шлейфа*.

Приведем эту новость:

Роберт Ланц из института регенеративной медицины (Astellas Global Regenerative Medicine) считает, что смерть — это не завершение существования, а всего лишь квантовая перезагрузка. Сознание человека перемещается в другую точку альтернативного пространства-времени. Сознание каждого человека имеется во Вселенной. Оно порождает время: человек легко может принять прошлое либо будущее за настоящее, создать новую систему отсчета. Смерть — это перезагрузка, открытие новых возможностей¹.

¹ Е. Макарова, *Шлейф*, Новое литературное обозрение, Москва 2022, с. 378.

Речь в этом отрывке идет о биоцентризме — концепции, предложенной американским ученым в области регенеративной медицины и биологии Робертом Ланцем (Robert Lanza)², который считает биологию ключом к пониманию устройства Вселенной. Исследователь из США утверждает, что биологическая жизнь создает окружающую нас реальность, время и Вселенную. То есть, это не Вселенная создала жизнь, а жизнь — всю Вселенную. Один из принципов биоцентризма Ланца гласит — пространство, как и время, не является ни объектом, ни феноменом. Будучи формами взаимодействия с реальностью, пространство и время помогают живым организмам воспринимать мир. Люди несут за собой пространство и время, как черепаха тащит свой панцирь, говорит ученый. Таким образом, существование физического мира вселенной, по Ланцу, напрямую проистекает из шлейфа человеческого сознания³.

Вселенная *Шлейфа* Елены Макаровой тоже порождена жизнью и сознанием человека — главной героиней романа Анной, страдающей редким недугом — «деперсонализацией». Она лишена эго, не способна к самоидентификации, не знает своего прошлого и не имеет собственных воспоминаний. Суть ее душевной болезни выражается в полном стирании собственной личности, которую попеременно заменяют личности мертвых людей. Лечащий врач и опекун женщины Арон «подбрасывает» ей чемоданы умершего онкобольного Алексея Федоровича Петрова, в которых собрана история его семьи. Работая с записями семейного архива, Анна в буквальном смысле становится «носителем» чужих воспоминаний, одалживает свое тело для того, чтобы через нее заговорили голоса советской эпохи: например, поэта и публициста Владимира Канторовича или революционера Федора Линде. Болезнь превратила ее в транзистор, который здесь и сейчас транслирует воспоминания других людей. «Мертвецы лишены права голоса», — заявляет поэт Владимир Канторович, которого Анна оживляет в своем сознании. «Вы не мертвец!», — отвечает она ему. Через трещину, образованную в результате утраты Аниного «Я», проступает история Советского Союза с ее партийными чистками, Большим террором, Великой Отечественной войной.

«Ни электрошок, ни сеансы психоанализа, ни погружение в гипноз так и не вызволили из недр ее сознания того, что на-

² В романе Елены Макаровой фамилия ученого написана как «Ланц».

³ См. R. Lanza, *A New Theory of the Universe: Biocentrism builds on quantum physics by putting life into the equation*, "The American Scholar", Spring 2007 issue (1 March 2007), <https://theamericanscholar.org/a-new-theory-of-the-universe/> [01.02.2023].

зывается 'самоидентификацией'⁴. Вместо удостоверения личности у Анны — справка «с кодом и диагнозом»⁵, позволяющая ей без ограничений передвигаться по закрытому на карантин Иерусалиму. Даже имя — «Анна» — ей назначено психиатром, сама она его не помнит. Определенно известно о героине лишь то, что ей сорок лет, что она живет в Иерусалиме, и что она «русская из Израиля, которая пишет, читает и думает»⁶. На жизнь она зарабатывает переводами с чужих языков — то есть, опять же, служит передатчиком, воспроизводителем не своих мыслей и текстов.

Путешествуя по «душной русской истории»⁷ ее ленинско-сталинского периода, Анна становится свидетельницей побед и поражений, радости и страданий, выпавших на долю одной советской семьи. О них она пишет роман *Искатели счастья* — семейную сагу, призванную рассказать историю жизни советских людей, которая была «обкромсана или изувечена»⁸ властями. «У советских людей, — размышляет Алексей Федорович, один из основных «внутренних» собеседников Анны, — память отшибло тем самым паровозом, у которого «в коммуне остановка». Полагалось работать для будущего счастья человечества, а о прошлом не задумываться»⁹.

Анна не просто задумывается о прошлом, но пропускает его через себя и тем самым актуализирует. Будто бы следуя за Робертом Ланца, она «принимает прошлое за настоящее» и тем самым ломает линейность времени: вместо прямой — делезовская ризома¹⁰. Анна может «войти» в истории своих героев в любой точке входа без заданной иерархии, без какой-либо упорядоченности. Голоса исторических лиц врываются в Анну внезапно, в их рассказах часто нет ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа. «Семейное прошлое, как и вообще прошлое, человек, занятый собственной жизнью, по большей части вытесняет и игнорирует. Так оно и пропадает»¹¹, — констатирует Алексей Федорович. Равнодушная к собственной судьбе, Анна проживает чужие жизни, при чем так, что прошлое и настоящее хаотично сосуществуют в про-

⁴ Е. Макарова, *Шлейф...*, с. 15.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 73.

⁷ Там же, с. 61.

⁸ Там же, с. 39.

⁹ Там же.

¹⁰ Ж. Делез, Ф. Гваттари, *Капитализм и шизофрения. Тысяча плато*, пер. Я.И. Свирский, У-Фактория, Екатеринбург – Астрель, СПб 2010, с. 8–10.

¹¹ Е. Макарова, *Шлейф...*, с. 39.

странстве и времени ее жизни. «На иврите жизнь имеет множественное число. Хаим — жизни»¹², — говорит Анна. Из этого определения разворачивается «мультивселенная» героини, которая «идет по земле, где живут в разных жизнях, по крайней мере в ней их множество, и ни одна не имеет к ней прямого отношения»¹³.

Таким образом, благодаря отсутствию у Анны эго, текст *Шлейфа* образует многомерное пространство, где одновременно происходят вызванный эпидемией карантин и пытки в подвалах тюрем 1937 года, нападение на СССР 22 июня 1941 года, блокада Ленинграда и поездки на отдых в отель у Мертвого моря. И все это не просто события, не просто история, а свидетельства, призванные сохранить память о тех, кто был убит или искалечен советским прошлым. Анна тянет шлейф истории тех, кто умер. Она продолжает их «след» в настоящем, а ее роман *Искатели счастья*, становящийся результатом этого «следа», справедливо отнести к понятию «литературы свидетельства» британской исследовательницы литературы Холокоста Дженни Адамс. Литература «свидетельства», «следа», — пишет Адамс, — «есть механизм, с помощью которого можно восстановить место исчезнувших событий и личностей, ведь именно нарратив позволяет следу сохранять свою ограниченную считываемость»¹⁴.

Однако Анна видит в «шлейфе» не просто нарративную возможность восстановить в настоящем место умерших. Для нее, как я полагаю, «шлейф» — это еще и метафизическая категория, обозначающая принципиальную невозможность исчезновения. Река времени Анны не течет в небытие, в пустоту, в ничто. Небытие понимается ей как застывшая часть бытия, опрокинутая в шлейф, в след: «небытие в бытии, где всё на месте: и небо, и море, и пальмы, и полосатые шезлонги»¹⁵. Для героини Макаровой, как и для французского философа Эмануэля Левинаса «след», — «это сама нестираемость бытия, его всемогущество по отношению к любой отрицательности, его необъятность, неспособная замкнуться в себе, [...] слишком великая для внутреннего мира, для Самости»¹⁶. Другими словами, след для нее важнее и больше, чем «Я» потому, что содержит неизглядимость

¹² Там же, с. 81.

¹³ Там же.

¹⁴ J. Adams, *Introduction*, in: *The Bloomsbury Companion to Holocaust Literature*, Bloomsbury Publishing, London 2015.

¹⁵ Е. Макарова, *Шлейф...*, с. 528.

¹⁶ Э. Левинас, *Время и другой. Гуманизм другого человека*, Высшая религиозно-философская школа, Санкт-Петербург 1998, с. 187.

бытия, победу над смертью и забвением. Небытия нет, точнее оно находится в бытии, так как все, что произошло в истории будто бы записано на нестираемый диск, и каждый при определенных усилиях может этот диск проиграть.

В виду того, что о жизни Анны до эпидемии COVID-19 ничего не известно, справедливо сказать, что героиня Макаровой «родилась» в эпоху карантина, когда лица людей скрыты за медицинскими масками, а руки упрятаны в резиновые перчатки. В такой ситуации Другой спрятан, неразличим. Тем разительнее способность Анны различать Других, пускать их в свое сознание, чтобы видеть мир их глазами. Перефразируя выражение из другой книги Макаровой, *Фридл*, Анна – швейцар, который открывает двери в свой пустующий мир, чтобы позволить другим заполнить его. Возможно, что в «Шлейфе» так поступает не только главная героиня. Роман наполнен персонажами — пациентами иерусалимской психиатрической клиники — представляющими себя Царями Давидами, ибн Габиролями, Христами и т. п. Но что, если они не сумасшедшие, а люди, совершившие форму аскетического делания — отказались от собственного «Я», чтобы вместить в себя «Я» других, дать им тело и голос, вернуть к жизни. Смее предположить, что и недуг Анны — не результат случайности, а сознательный выбор: самосокрытие, самоограничение, или, говоря языком каббалы, цимцум собственной личности, высвобождение места для жизней и судеб других. Тот же прием сама Макарова продемонстрировала в своем документальном романе *Фридл*¹⁷: она как автор ограничивает свой голос небольшим предисловием, урезает его до минимума, чтобы позволить художнице и педагогу Фридл Дикер-Брандейс самой, от первого лица, рассказывать историю своей жизни и смерти.

Как и в *Шлейфе*, чтобы добиться максимального эффекта «присутствия» Дикер-Брандейс здесь и сейчас, в настоящем времени, Макарова задает во *Фридл* новую точку отсчета времени. Это время, которое «отсчитывается от смерти, не помещается в плоский циферблат. Оно другой конфигурации. Оно глубокое, и ритм у него не тот, что мы слышим, отсчитывая время от жизни»¹⁸. Таким образом, мы снова видим «небытие в бытии», шлейф жизни Фридл вызванный Макаровой, след «неизгладимого бытия» Фридл Дикер-Брандейс явленный читателю через более чем полстолетия после смерти австрийской художницы и преподавателя.

¹⁷ Е. Макарова, *Фридл*, Новое литературное обозрение, Москва 2017.

¹⁸ Там же, с. 311.

В Шлейфе есть отсылка к первому роману лауреата нобелевской премии Жана-Мари Гюстава Леклезю *Протокол*¹⁹, чей сюжет отчасти напоминает сюжетную канву книги Макаровой. *Протокол* рассказывает о молодом человеке по имени Адам, который бесцельно гуляет по городу, расположенному на берегу моря, и пытается понять кто он: недавно уволенный солдат или пациент психиатрической клиники. Личность героя, а также его неспособность разобраться в ней, достучаться до собственного «Я» пугает Адама, а живущие вокруг люди кажутся неспособными услышать и понять друг друга. Однажды на пляже к нему приходит озарение: Адам чувствует, что не может отделить свое сознание от того, что координирует его чувственное восприятие и опыт. В этот момент он ощущает себя центром реальности, «единственным живым существом во всем мире»²⁰ через сознание которого, повторяя формулу Ланца, рождается пространство и время.

Таким образом, если Адам Леклезю — первый человек, через которого рождаются миры *Протокола*, то героиня Макаровой, продолжая эту аналогию, — Ева, первая женщина без эго и воспоминаний, чья миссия «впустить» в себя время, историю. Она порождает нелинейное время, где «смерть — это перезагрузка, открытие новых возможностей», где голоса ушедших не исчезают в небытие, но присутствуют в реальности в качестве неизгладимого следа. Реальность чужого прошлого открыта здесь и сейчас, «разве что пропуск в нее выдается лишь сдвинутым по фазе»²¹.

Отношение к истории как неизгладимому шлейфу, есть, как мне кажется, авторская попытка создания в тексте мифологического времени, то есть того нелинейного, циклического времени, к которому всегда можно вернуться, актуализировать посредством ритуала. Механизм мифологического времени необходим Макаровой, чтобы как можно нагляднее и убедительнее говорить в своей прозе о важнейших для нее темах: Холокосте и травме советского опыта. Катастрофа, рожденная тоталитарными режимами, будь то нацистским или советским, для нее не является событием, запертым в памяти, зажатым прессом последующих лет и закрытым для взаимодействия. Мифологическое время помогает разомкнуть границы истории и сделать те или иные события прошлого частью настоящего для того, чтобы эта историческая травма

¹⁹ Ж.-М.Г. Леклезю, *Протокол*, пер. Е. Клокова, Текст, Москва 2011.

²⁰ Там же, с. 17.

²¹ Е. Макарова, *Шлейф...*, с. 156.

была проговорена (в случае Анны она буквально проговаривается голосом женщины). Травма актуализируется для того, чтобы быть проговоренной и преодоленной через искусство. Как практикующий арт-терапевт Елена Макарова обладает большим набором подобных практик; в *Шлейфе* же это нарратив, литература, роман *Искатели счастья*, который пишет Анна. «Искатели счастья надеются на правдивое слово. Способен ли человек с ее диагнозом на адекватное осмысление реальности, тем более чужой?»²², — таким вопросом заканчивается первая часть *Шлейфа*. Из романа Макаровой мы узнаем, что только такой человек как Анна и способен на адекватное, правдивое слово о реальности.

В конце романа его главная героиня неожиданно исчезает. Ее опекун, психотерапевт Арон, ищет Анну по всему Иерусалиму, но безрезультатно. Она пришла ниоткуда и ушла в никуда. Через этот образ отсутствия Макарова снова подчеркивает принцип собственного письма о таких трагедиях как Холокост или сталинские репрессии — совершить цимцум по отношению к собственному «Я», и стать подобно средневековому автору агиографической литературы лишь «исполнителем», «последователем»²³, то есть тем, кто несет на себе след жизни другого и дать этому другому право и возможность говорить.

Библиография

- Deleuze G., Guattari F., *Kapitalizm i shizofreniya. Tsyacha plato*, transl. Ya.I. Svirskiy, U-Faktoriya, Yekaterinburg – Astrel', Sankt-Peterburg 2010 [Делез Ж., Гваттари Ф., *Капитализм и шизофрения. Тысяча плато*, пер. Я.И. Свирский, У-Фактория, Екатеринбург – Астрель, Санкт-Петербург 2010].
- Kasavin I., *Epistemologiya. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki*, Kanon+, Moskva 2009 [Касавин И., *Эпистемология. Энциклопедия эпистемологии и философии науки*, Канон+, Москва 2009].
- Levinas E., *Vremya i drugoy. Gumanizm drugogo cheloveka*, Vysshaya religioznofilosofskaya shkola, Sankt-Petersburg 1998 [Левинас Э., *Время и другой. Гуманизм другого человека*, Высшая религиозно-философская школа, Санкт-Петербург 1998].
- Le Clezio J.-M.G., *Protokol*, transl. Ye. Klokovala, Tekst, Moskva 2011 [Леклезю Ж.-М.Г., *Протокол*, пер. Е. Клокова, Текст, Москва 2011].
- Makarova Ye., *Shleyf, Novoye literaturnoye obozreniye*, Moskva 2022 [Макарова Е., *Шлейф, Новое литературное обозрение*, Москва 2022].
- Makarova Ye., *Fridl, Novoye literaturnoye obozreniye*, Moskva 2017 [Макарова Е., *Фридл, Новое литературное обозрение*, Москва 2017].

²² Там же, с. 170.

²³ И. Касавин, *Эпистемология. Энциклопедия эпистемологии и философии науки*, Канон+, Москва 2009, с. 64.

- Adams J., *Introduction*, in: *The Bloomsbury Companion to Holocaust Literature*, Bloomsbury Publishing, London 2015.
- Lanza R., *A New Theory of the Universe: Biocentrism builds on quantum physics by putting life into the equation*, "The American Scholar", Spring 2007 issue (1 March 2007), <<https://theamericanscholar.org/a-new-theory-of-the-universe/>>.